

Священномученик
Алексий Канцеров

Священномученик Алексей (Алексей Яковлевич Канцеров) некоторое время служил учителем церковноприходской школы при станции Вязовая Самаро-Златоустовской железной дороги, а затем был определен псаломщиком к Преображенской церкви при той же станции. В 1907 году он был рукоположен во священника к Крестовоздвиженской церкви села Воздвиженка Белебеевского уезда Уфимской губернии. В 1915 году отец Алексей был назначен в Покровский храм в село Топорнино Уфимского уезда. Покровский храм строился в 1817–1823 годах стараниями местного помещика подполковника Топорнина, участника войны 1812 года. Вернувшись из заграничного похода, подполковник Топорнин решил выстроить храм, посвященный избавлению Русской Православной Церкви и державы Российской от нашествия «галлов и с ними двенадцати языков». Храм был воздвигнут на высоком холме, на берегу реки Белой.

Осенью 1917 года власть в Уфимской губернии была захвачена большевиками, которые сразу же приступили к проведению радикальных реформ, направленных на уничтожение всего уклада русской государственной жизни. Уже к концу года народ стал оказывать сопротивление захватчикам. Против большевиков в Заволжье и Приуралье выступило Оренбургское казачество, в мае 1918 года выступил чехословацкий корпус. Большевики Уфы пытались организовать сопротивление наступающим чехословакам, но отряды большевиков были в то время еще малочисленны и не способны на серьезное сопротивление; по этой причине 9 июня большевики объявили всеобщую мобилизацию крестьян в Красную армию и стали отправлять в села своих представителей для агитации среди крестьян на волостных сходах. Такие сходы оканчивались зачастую принятием антибольшевистских резолюций и явным выражением нежелания поддерживать большевиков.

16 июня 1918 года местная организация большевиков в селе Топорнино созвала волостной сход крестьян. К 10 часам утра к зданию волостного правления собралось около пятисот крестьян, которые тесной толпой обступили крыльцо правления. На крыльце были установлены трибуна и стол, покрытый красным сукном. Крестьяне уже знали, что речь пойдет о мобилизации в Красную армию, и отношение у них сложилось заведомо отрицательное и к местным властям, и к отдельным их представителям. За столом в президиуме находились члены волостного исполкома, а также приехавший в Топорнино в сопровождении трех вооруженных красноармейцев уроженец этого села военный комиссар волости Кутуев. Собравшиеся, обратив внимание на вооруженных красноармейцев, стали говорить им: «Почему вы пришли с оружием на собрание?» – и, набросившись на них, отобрали винтовки.

Красноармейцы и комиссар зашли в здание волостного правления, откуда через некоторое время вышел комиссар Кутуев и заявил собравшимся, что не надо было отбирать оружие. Толпа крестьян начала шуметь, в адрес комиссара посыпались угрозы. Кутуев, отвечая что-то крестьянам, сошел с крыльца и направился в середину собравшихся. Его тут же принялись бить. Комиссар некоторое время защищался, но, видя, что это ему не удастся, бросился бежать, и

вдогонку за ним бросилось несколько человек.

Один из них, не известный никому здесь татарин в солдатской фуражке, выстрелил из отобранной ранее винтовки вслед комиссару. Кутуев, легко раненный в ногу, упал, а стрелявший скрылся в толпе, которая тут же стала разбегаться в разные стороны. Уже через несколько минут площадь села опустела. Кутуев встал и пошел по направлению к дому отца. Он прошел всего несколько домов, когда от крыльца волостного правления последовал второй выстрел. Пуля прошла через спину навывлет. Полученная рана была смертельной, и через несколько дней комиссар скончался. Все последующие расследования советских представителей так и не выяснили, кто были стрелявшие.

Этой же ночью растерявшийся председатель Топорнинского волисполкома дал в Уфу телеграмму о заговоре местной буржуазии, начавшемся восстании и убийстве комиссара. Получив это сообщение, Уфимский губернский революционный комитет приступил к формированию карательного отряда, в задачи которого входило «разогнать гнезда контрреволюционеров в окрестностях бассейна рек Белой и Камы». Отряд возглавил некий Четверев, который до революции за тяжкие уголовные преступления был осужден на каторжные работы. Современники писали о нем, что тяжкие грехи настолько изуродовали душу этого человека, что он стал не способен к жизни в мирных условиях и с радостью и азартом ехал туда, где нужно было стрелять и убивать.

Отряд Четверева был собран за несколько дней и состоял из сорока человек, из которых только тринадцать имели отношение к военной службе, все остальные были подростками, причем среди них были и девушки. Таким образом, под предводительством уголовника была сформирована банда молодежи, которой предстояло беспощадно расправиться с мирными жителями.

На третий день после смерти Кутуева состоялись его похороны на сельском кладбище. Отец убитого стал настаивать, чтобы того привезли в Покровскую церковь для отпевания. Настоятель церкви священник Алексей Канцеров отказался отпевать комиссара, гибельная участь которого была определена уже тем, что он встал на борьбу с народом на стороне безбожников; кощунственной ощущалась просьба об упокоении безбожника со святыми, и не хотелось поступаться совестью и превращать молитву в формальный обряд, тем более что отец Алексей прекрасно знал и самого убитого, и его семью. Этот отказ должен был послужить уроком для других, кто еще намеревался встать на путь борьбы с Церковью.

24 июня 1918 года отряд вооруженных карателей погрузился в Уфе на пароход «Зюйд» и поплыл вниз по реке Белой; вся палуба парохода была завалена мешками с песком, между которыми были устроены бойницы для стрельбы из пулеметов. Пристав к берегу ночью, боевики вошли в Топорнино, все жители которого спали, охраняемые местными дружинниками, подчинявшимися волостному исполкому. В селе начались аресты. Всех арестованных сажали в трюм парохода, не слушая никаких объяснений с их стороны. Среди других был арестован и священник Алексей Канцеров.

Четверевым из числа боевиков была создана чрезвычайная комиссия. По ее приговору был расстрелян начальник продотряда, которого обвинили в том, что он «не выступил против бандитов» и «не оказал никакой помощи дружинникам во время кулацкого восстания». Отряд Четверева разграбил село, и через несколько дней пароход с награбленным и арестованными отплыл из Топорнино. Все арестованные находились в трюме, над входом в который стоял пулемет;

арестованным было объявлено, что при малейшем подозрительном шуме в трюме их забросают гранатами. В Сарапуле отряд встретили революционные матросы, которые вместе с карателями продолжили «следствие». «Посмотрите, товарищи, – говорили они, показывая на арестованных, – какая рожа у этого буржуя, а у этого какое брюхо». – «А ты что, молебны служил, панихиды, народ обманывал?! Вот тебе чего надо», – ткнул матрос револьвером в отца Алексия. Четверев в это время напротив списка с фамилиями заключенных проставлял какие-то значки, а затем, разделив узников на две партии, с усмешкой сказал: «Ну, прощайтесь».

Часть арестованных была отправлена в тюрьму в Сарапуле, другую часть, двенадцать человек, оставили в трюме на пароходе, который той же ночью отплыл от пристани. На пятой версте от Сарапула, недалеко от железнодорожного моста начались казни. Незадолго до этого всех заключенных разъединили и развели по каютам. Четверев дал подросткам, которые должны были участвовать в казни, выпить водки, чтобы им было легче убивать безоружных людей, а затем по одному стали выводить осужденных. Палачи выходили по двое. После каждого расстрела они сменялись, и выходила следующая пара палачей-подростков. Один из них вспоминал впоследствии, что при расстреле приговоренного офицера тот попросил последний раз помолиться. Он с поднятыми к небу руками стоял на палубе и говорил: «Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем». Другой убийца рассказывал, что его приговоренный обещал за жизнь все свое имущество. Один из приговоренных целовал ноги палачей.

С исключительным мужеством и спокойствием встретил свой крестный час отец Алексий. «Бог вас простит, – сказал он. – Вы не знаете, что творите». После расстрела тела казненных были сброшены в воду.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Январь». Тверь. 2005. С. 459-463